

Калинин Илья Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
i.kalinin@spbu.ru

Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии

Для цитирования: Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 605–617. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.408>

В 1924 г. выходит номер журнала «ЛЕФ», целиком посвященный анализу языка В. И. Ленина. Авторами статей, вошедших в этот тематический выпуск журнала, были представители ОПОЯЗа и близкие к ним исследователи. Описание языка Ленина как языка, в котором реализуются «открытые формалистами» законы поэтического языка, становится для опоязовцев легитимной возможностью распространить свою теорию литературной эволюции на область социальной истории в целом. Само понятие «прием», обозначающее «сделанность» литературного произведения, находит свое применение в критическом анализе идеологии («ложного сознания», К. Маркс), к которой вслед за Лениным обратились формалисты. Из представленного в журнале анализа следует, что основным средством дезавуирования и критики оппонентов служит у Ленина обнажение приема, стоящего за риторическими конструкциями идейных противников. Таким образом, установка на «воскрешающую слово» выразительность совпадает с установкой на политическую эффективность и динамизм исторического движения. Формальные требования к поэтическому языку, которым он должен отвечать, чтобы выполнять свою эстетическую функцию, оказываются синонимичны с требованиями, предъявляемыми языку политическому, ориентированному на перформативный эффект. А сам формальный метод находит в языке политической полемики и агитации материал, адекватный своим представлениям о законах художественного языка. Казалось бы, сугубо тактический ход — обращение к еще только начинающей канонизироваться, но уже обладающей чрезвычайно мощным символическим значением и социальным зарядом фигуре Ленина для обеспечения дополнительной, политической, легитимации своих представлений о природе поэтического языка — привел к далекоидущим теоретическим последствиям — обнаружению идеологического измерения художественной формы. Опоязовский анализ языка Ленина оказывается переходным звеном, ведущим к тем критическим интуициям (опознание в культуре идеологического аппарата господствующего класса), которые затем станут важной частью левовской теории литературы факта, характерного понимания коллективного авторства и культурного производства в целом. Затем через С. М. Третьякова эти идеи обогатят критическую рефлексию Б. Брехта и В. Бенямина, которые, в свою очередь, станут важным теоретическим источником для постмарксистской культурной критики второй половины XX — начала XXI в.

Ключевые слова: В. И. Ленин, В. Б. Шкловский, прием, история, идеология, поэтический язык.

Ленин говорил речь с элементарной стремительностью, катя свою мысль, как громадный бульжник; когда он говорил о том, как просто устроить социальную революцию, он сминал перед собой сомнения, точно кабан тростник.

Виктор Шкловский
«Сентиментальное путешествие» (1923)

Выдвигая «остранение» как основной принцип, регулирующий отношения между искусством и жизнью, В. Б. Шкловский отталкивался от господствующего в позитивистской эстетике закона экономии творческих сил. На отрицании универсальности этого закона экономии Шкловский и утверждал принцип «остранения», проводящий границу между сферой практического языка и «практического» восприятия («узнавания») вещественного мира, в которой действует закон экономии усилий, и сферой поэтического языка и обновленного восприятия («видения»), основанной на действии «законов дополнительной траты» [Шкловский 2018].

Общая логика этого расподобления хорошо известна. Привычные действия — от мелкой моторики до прозаической бытовой речи — в силу своей повторяемости становятся автоматическими и бессознательными. При этом автоматизированное восприятие слов и вещей, не затрагивающее их внешней, материальной, телесной основы, обеспечивает максимальную экономию усилий. Таким образом, повседневность — и бытовая, и речевая, и когнитивная — совпадает у Шкловского с областью бессознательного автоматизма, отвечающего за быстроту реакции и сокращение затрачиваемой энергии. Но в этом месте закон экономии сталкивается с собственным внутренним ограничением. «Облегчая оперирование с предметами вещественного мира, автоматизация отнимает доступ к их предметности; ускоряя социальную коммуникацию, она отнимает чувство общности. Автоматизация распредмечивает вещь и овеществляет человека» [Калинин 2005а: 360].

Формалисты описывали литературу как разрушение привычек восприятия и интерпретации, выработанных повседневной жизнью. История — тем более история в ее наиболее радикальных формах революции и войны — деавтоматизировала эти привычки с еще большей степенью интенсивности, чем искусство. В этом смысле приемы порождения поэтической речи и механизмы развертывания истории оказывались изоморфны друг другу, а сформулированный Шкловским принцип остранения выступал не только как универсальный закон искусства, но и как имманентный закон истории: если формальная теория была направлена на обнажение «литературности» литературы, то революция (т.е. история *par excellence*) воспринималась как обнажение «историчности» истории (подробнее об этом см.: [Jameson 1975: 43–101; Sheldon 1975; Калинин 2005б]).

Согласно этой логике, носителем исторической динамики выступает поэтический язык, революционизирующий грамматику обыденной коммуникации, тогда как язык практический рассматривается как сфера действия энтропийных законов автоматизации. Казалось бы, политический язык — в том числе и политическая речь революционных вождей — должен определяться как один из вариантов практического языка, попадая в сферу «привычного», «традиции», «рутинных

практик», «экономии психических усилий» и лишаясь, таким образом, какого-либо революционного потенциала. Однако эта естественная предпосылка вступает в противоречие с изначальной прагматической задачей политического языка революции, состоящей в перформативном воздействии на реальность, в преодолении сложившихся социально-политических практик и представлений о мире.

Выход из этого концептуального тупика мог быть найден только в попытке пересмотра этой, казалось бы, очевидной атрибуции политического языка, точнее — политического языка в его революционной версии. Он должен был быть рассмотрен или как поэтическое применение практического языка¹, или как собственно поэтический язык. Язык В. И. Ленина и стал тем предметом, который поставил формалистов перед необходимостью переопределения границ между политическим и поэтическим, распространения разрабатываемых ими способов описания поэтического логоса на анализ политического праксиса. Если поэтический язык, с точки зрения Шкловского, отличался от практического языка своей способностью обновлять восприятие мира и поддерживать движение литературной эволюции, то язык революционного субъекта, призванный изменять саму социальную реальность, по необходимости должен был обладать не только убедительной силой, но и острающей, обновляющей мощью поэтического языка. Помещенная в оптику раннего ОПОЯЗа революция оказывалась неотличима от искусства, так же, как и оно, требуя дополнительного усилия, затрудненной формы, необходимых для того, чтобы «вернуть ощущение жизни» и «пережить деланье вещи» [Шкловский 2018: 256].

В 1924 г. вышел номер журнала «ЛЕФ», большая часть материалов которого была посвящена анализу языка Ленина. Авторами статей, вошедших в этот тематический выпуск, были представители ОПОЯЗа и близкие к ним исследователи, принадлежавшие к Московскому лингвистическому кружку: В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Л. П. Якубинский, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Казанский, Б. В. Томашевский (перечисляю в порядке публикации статей). Оценка этого сборника исключительно как проявления предусмотрительной политической сервильности мало что дает для понимания формальной теории и ее интеллектуальных амбиций, достаточно далеко выходящих за пределы чистого филологического знания. Хотя, кажется, именно этими подозрениями объясняется почти полное отсутствие работ, посвященных этой тематической подборке².

Однако менее оценочный подход к этому эпизоду из истории русского формализма позволит увидеть в предпринятом описании языка Ленина не *hommage* только что умершему вождю, а стремление распространить свою теорию поэтического языка и литературной эволюции на более широкий материал. Более того, этот, казалось бы, сугубо тактический ход — обращение к еще только начинающей канонизироваться [Тумаркин 1997]³, но уже обладающей чрезвычайно мощным

¹ Эйхенбаум предусматривает такую возможность для искусства красноречия: «... что же касается таких форм, как ораторская речь, то, несмотря на свой „практический“ характер, они во многом очень близки к речи поэтической» [Эйхенбаум 1924б: 57].

² Едва ли не единственное исключение — несколько страниц, посвященные этому номеру «ЛЕФа», в фундаментальной работе О. Ханзена-Лёве [Ханзен-Лёве 2001: 480–484].

³ Собственно, и сам пафос этой подборки материалов состоял в том, чтобы противостоять все более нарастающим тенденциям к его канонизации. В открывающем этот номер «ЛЕФа» программном редакционном заявлении читаем: «Ленин все еще наш современник. Он среди живых. Он

символическим значением и социальным зарядом фигуре Ленина для обеспечения дополнительной, политической, легитимации своих представлений о природе поэтического языка — привел к далекоидущим теоретическим последствиям — обнаружению идеологического измерения художественной формы.

Так сформулированный Шкловским принцип остранения, обнажающий «сделанность» художественного произведения и выводящий восприятие мира за пределы привычных рецептивных и познавательных схем, находит свое применение в критическом анализе идеологии, к которой вслед за Лениным обращаются формалисты. И дело не только в том, что предпринятый формалистами «анализ автоматизации, шаблонизации и окаменения средств речевой техники» определил их как «симптом столь же автоматизированной, догматичной, аффирмативной позиции ее реальных носителей» [Ханзен-Лёве 2001: 480]. Результатом этого анализа стало то, что идеология (или «ложное сознание», как его определял К. Маркс) оказалась противопоставлена истории (и революции как наиболее радикальной манифестации самого процесса исторического становления) на тех же основаниях, на которых автоматизированный практический язык был противопоставлен языку поэтическому. В собранных в левовском номере описаниях языка Ленина идеология предстает таким же результатом словесного повтора, смысловой тавтологии и социальной ритуализации, как и практический язык. Фактически здесь возникает переход от лингвистического описания политической фразеологии (окаменевших речевых схем) к описанию самой идеологии как набора окаменевших схем восприятия реальности.

Идеология черпает свою эффективность в той самой экономии усилий, которая позволяет практическому языку осуществлять свои коммуникативные функции, минуя материальность поэтической формы. Она опирается на то же стершееся восприятие действительности, которое Шкловский диагностировал применительно к «алгебраическому методу» [Шкловский 2018: 255] прозаического языка. В свою очередь, язык Ленина выступает как инструмент одновременно поэтического и революционного дезавуирования идеологии, убедительность которой опирается на бессознательное воспроизводство привычных образов реальности. (Без труда реконструируемая в формально-поэтическом подходе ОПОЯЗа критика буржуазного искусства, буржуазного сознания и буржуазной повседневности вполне предсказуемо соприкасается здесь с марксистской эстетикой Г. Лукача, также указывающего на «обезличивающее действие автоматизма буржуазной жизни» в своих рассуждениях о романе как художественной форме манифестации и одновременно преодоления социального этоса и психологии буржуазии [Лукач 1935: 807].)

Обнаружение революционной острающей силы ленинского языка возникает в процессе того самого формально-поэтического анализа, который формалисты применяли к своим литературным объектам. Так, Б. М. Эйхенбаум в своей классической статье «Как сделана „Шинель“ Гоголя» (1919) [Эйхенбаум 1924а] показывал, что эстетический эффект этой новеллы строится не на миметической иллюзии реальности и не на гуманистическом высказывании о «маленьком человеке», а на артикуляционной, сказовой, фактуре самого поэтического языка. Точно так же

нужен нам, как живой, а не как мертвый. Поэтому, — учитесь у Ленина, но не канонизируйте его. Не создавайте культа именем человека, всю жизнь боровшегося против всяческих культов. Не торгуйте предметами этого культа. Не торгуйте Лениным!» [От редакции 1924].

в своем коллективном анализе языка Ленина формалисты попытались обнаружить революционный потенциал не в содержательных аргументах Ленина, а в используемых им формальных приемах, — в том, как «он сделан»⁴.

Из представленных в этой лефовской подборке статей следует, что основным средством дезавуирования позиции идейных оппонентов служит у Ленина обнажение риторического приема, стоящего за их высказываниями. Так, Шкловский подчеркивает ироничную установку ленинского стиля, разрушительную по отношению к любым автоматизировавшимся речевым конструкциям, независимо от того, кем они используются:

«Спор Ленина со своими противниками, будут ли то его враги или товарищи по партии, начинается обычно со спора „о словах“ — утверждения, что слова изменились» [Шкловский 1924: 55].

Установка на «воскрешающую» слово и восприятие выразительность (динамические отношения между словом и предметом, между смыслом и выражением) совпадает здесь с установкой на политическую эффективность. Формальные требования к поэтическому языку, которым он должен отвечать, чтобы выполнять свою художественную функцию, оказываются синонимичны требованиям, предъявляемым политическому языку, цель которого состоит в том, чтобы изменить мир и сознание тех, к кому он обращен. При этом сам формальный метод находит в языке политической полемики и агитации материал, адекватный своим представлениям о законах художественного языка.

Опустошенной длительным использованием риторике, принадлежащей к высокой, и уже потому автоматизированной, ораторской традиции, Ленин противопоставляет свою «живую» поэтику, опирающуюся на сдвиг восприятия, обман ожиданий, вводящую в речь элементы низкого бытового стиля. Наиболее близким аналогом политического языка Ленина становится для Шкловского и Эйхенбаума язык Л. Н. Толстого, новаторство которого состояло для них в острашении господствующих литературных конвенций и обнажении условного характера социальных отношений⁵.

Более того, из опубликованных в «ЛЕФе» статей следует, что метод, который практиковал Ленин в борьбе со своими политическими противниками, является не чем иным, как формальным (если не сказать формалистским) анализом, вскрывающим автоматизированность чужой речи, подменяющей непосредственный и подлинный материал истории утратившим с ним связь идеологическим фразерством. По словам Эйхенбаума:

«Внимание Ленина останавливается <...> на всем, что имеет характер автоматического пользования словом и тем самым лишает его действительной значимости» [Эйхенбаум 1924б: 61].

---

⁴ См. также опирающуюся на этот выпуск «ЛЕФа» статью петербургского историка С. В. Ярова, следующую за формалистами в их подходе, но не разделяющую их выводов [Яров 2007]. Для нас же важна не адекватность анализа своему материалу, а те теоретические интуиции, которые возникают по его ходу (прежде всего связанные с экспликацией идеологического и политического потенциала художественной формы).

⁵ См. прежде всего эссе-манифест Шкловского «Искусство как прием» (1917) [Шкловский 2018: 250–269] и первую монографию Эйхенбаума «Молодой Толстой» (1922) [Эйхенбаум 1922].

Вместо того чтобы деформировать исторический материал (как это делает поэзия с языковым материалом), т. е. — производить непосредственные исторические эффекты («творить историю»), такой автоматизированный политический язык скользит по лишенной силы сопротивления поверхности отвлеченной идеологии, компенсируя свое историческое / поэтическое бессилие риторической избыточностью («революционной фразой», В. И. Ленин)⁶.

«Ленин как деканонизатор» называет Шкловский свою статью о языке Ленина, в которой его стиль последовательно описывается как поэтическая речь, ломающая привычные контекстуальные связи, обнажающая стершиеся отношения между понятиями и смыслами:

«Ленина звали „раскалыватель“, действительно, он охотно шел на раскалывание явления, на выделение его <...> Разделительное переименование есть один из способов отделять понятие от старого слова ему более не соответствующего <...> Как только слово прирастает к вещи, оно перестает ощущаться и лишается эмоционального тона» [Шкловский 1924: 53–54].

Вместо привычного использования уже сложившегося понятийного аппарата, более не производящего остраивающего, перформативного эффекта, Ленин, с точки зрения Шкловского, вновь и вновь осуществляет работу, демонстрирующую живую связь между знаком и значением, между словом и понятием:

«Каждая речь или статья как будто начинает все сначала. Терминов нет, они являются уже в середине данной вещи, как конкретный результат разделительной работы» [Шкловский 1924: 55].

В своей статье «Словарь Ленина-полемиста» Ю. Н. Тынянов последовательно реализует свой метод лексико-стилистического анализа, разработанный им в «Проблеме стихотворного языка» [Тынянов 1924а], обнаруживая в полемическом языке Ленина ту самую «тесноту стихового ряда», когда

«...значимость слова может гипнотизировать, объединяя в одно вещи конкретно разные, необъединимые», когда «фраза может стать сгустком, который ценен сам по себе, — своей „словесной“ и эмоциональной силой» [Тынянов 1924б: 91].

(Может показаться, что последняя цитата взята из его работы по теории стиха и посвящена языку Тютчева, однако перед нами концептуальный тезис, предшествующий анализу «словаря Ленина».)⁷

---

⁶ Ср.: «...основная стилевая тенденция Ленина — борьба с „фразами“, с „краснобайством“, с „большими словами“. Одна из постоянных его задач, сформулированная еще в 1903 г., — „разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись...“ („Искра“ 1903 г. № 48 и Собр. соч. IV, 245). Все, что носит на себе отпечаток „поэтичности“ или философской возвышенности, возбуждает в Ленине гнев и насмешку. Он в этом смысле так же аскетичен и суров, как Толстой» [Эйхенбаум 1924б: 62].

⁷ Определяя механизмы порождения «художественной эмоции» применительно к стихотворному языку, Тынянов обращается именно к факторам единства и тесноты: «Решающим здесь оказывается для словесных представлений то обстоятельство, что они являются членами ритмических единств. Эти члены оказываются в более сильной и тесной связи, нежели в обычной речи; между словами возникает отношение по положению; при этом одна из главнейших особенностей здесь — динамизация слова» [Тынянов 1924а: 47]. Возникающее совпадение с характеристиками «словаря Ленина-поле-

Среди прочего Тынянов развертывает насыщенный семантический и стилистический анализ сравнительных агитационных (при этом агитационный потенциал речевых конструкций оказывается эквивалентен их художественным характеристикам) преимуществ призыва «Грабьте награбленное!» по отношению к старому лозунгу «Экспроприируйте экспроприаторов!». С точки зрения Тынянова, «динамический повелительный» эффект, в большей степени присущий первому варианту революционного категорического императива, достигается благодаря его лексическому богатству (глагол *грабить* еще не превратился в слово-термин, его основной лексический признак ('отнимать силой') «укореняет слово ассоциативными связями» ('хватать руками') и оттеняется адекватной ситуации бытовой «лексической окраской»). В результате поэтическая насыщенность (вплоть до фонетической выразительности аллитерационного комплекса *гр*) оказывается фактором политической результативности [Тынянов 1924б: 89–90]. Установка на художественную выразительность совпадает здесь с установкой на прагматическую трансгрессивность, определяющую механизм исторического движения.

Полемическая по отношению к противникам и убеждающая по отношению к массам речь Ленина пародирует риторические приемы исторически сложившейся ораторской традиции, обнажает стершиеся отношения между словом и вещью или между самими словами, стершимися в рамках устойчивых лексических конструкций. Пародические приемы ленинской речи в соответствии с тыняновской теорией пародии насквозь диалектичны (см.: [Тынянов 1977: 226]), они отрицают прежний политический язык, указывая на то, что он утратил связь с реальностью и, соответственно, потерял способность эту реальность изменять. Осуществляя критику устоявшегося политического красноречия, язык Ленина воспроизводит логику 11-го тезиса К. Маркса о Л. Фейербахе [Маркс 1955: 4], исходя из необходимости изменять реальность, а не просто удваивать ее в акте дискурсивной символизации; «стиль (Ленина. — И. К.) состоит в факте перемены, а не в факте установления» [Шкловский 1924: 56].

В итоге возникает характерная для формалистской поэтики и техники работы с материалом кольцевая конструкция: рожденный в революционной борьбе язык Ленина сам становится «революцией в области ораторского и газетного стиля» [Тынянов 1924б: 92], благодаря чему оказывается способен победить в этой борьбе, осуществив исторический сдвиг и обнажив условность прежнего социально-политического порядка. Таким образом, язык Ленина выступает не только как орудие революционной борьбы, но и как его непосредственный субъект, а поэтическая техника речевого производства оказывается неотделима от политической позиции.

В свою очередь, идеология обретает качества, которые опоязовская теория закрепляет за формой, утратившей свою поэтическую (остраняющую) функцию. Идеология выступает здесь как стершийся прием, как автоматизированная речь, как подмена революционно-поэтического жеста «революционной фразой» («революционным краснобайством», В. И. Ленин), когда обновляющее мир «живое слово» замещается окаменевшей идиоматикой. Как следствие, прием перестает деформировать материал, слово перестает воздействовать на реальность, историческое дви-

---

миста» говорит о принципиальном расширении границ поэтического (т. е. художественного) языка, включающего в свои пределы и динамизирующий язык политической борьбы, опирающийся на критику идеологических схем и семантически «сглаженных слов» [Тынянов 1924б: 91].

жение застывает в идеологической конструкции, цель которой — описание мира как данности, а не как процесса становления (или, говоря словами Шкловского, «как сделанное, а не как делание» [Шкловский 2018: 256]. Тынянов так описывает это отношение между историческим движением и языковой репрезентацией:

«Каждое слово является закреплением процесса и поэтому либо забегает вперед, предупреждает самый процесс, либо запаздывает, прикрепляясь к какой-либо одной фазе процесса. Чтобы процесс не застыл в сознании, а действительность не становилась через призму слова одноцветной, — приходится проверять слова, обнажать их связь с вещью» [Тынянов 1924б: 104].

Эта историческая работа, одновременно связанная и с формальной критикой чужой речи, и с содержательной критикой чуждой идеологии, как раз и совершается в языке Ленина. То же можно сказать и о метаязыке ОПОЯЗа: работа над языком Ленина, предпринятая формалистами, обнажает их собственный прием, эксплицирует их собственную политическую установку, их утверждение своего языка описания как языка, обладающего динамизирующей исторической силой.

Здесь необходимо сделать отступление одновременно теоретического и исторического характера. Генеалогию постмарксистского направления в западной гуманитарной теории, возникшего после Второй мировой войны, связывают прежде всего с неомарксизмом Франкфуртской школы и идеями А. Грамши. Ранний Р. Барт периода «Нулевой степени письма» (1953) и «Мифологий» (1957), классическая статья Л. Альтюссера «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970), работы Ф. Джеймсона и Т. Иглтона конца 1960–1970-х годов выступали как пионерские исследования, открывающие в поэтическом языке или языке культуры в целом — политическое и идеологическое измерение. В этом они опирались — помимо уже указанной критической теории Франкфуртской школы и концепции гегемонии Грамши — на идеи Б. Брехта и В. Беньямина. Чуть позже в качестве важного источника теоретического вдохновения стала выступать книга В. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1932).

Характерно, что идеи русского формализма, в это же самое время начавшие проникать на Запад, совершенно не прочитывались в этом нео- или постмарксистском ключе⁸. Тот же Барт, который будет интерпретировать идеологию, или «буржуазный миф», через очень близкую к формалистским взглядам оптику [Барт 1994], будет сознательно опираться на концепцию «очуждения» (*Verfremdung*) Брехта, не подозревая о том, что она через близкого друга Брехта — С. М. Третьякова — восходит к принципу остранения Шкловского.

Анализ лефовско-опоязовского описания языка Ленина в сопоставлении с идеями Беньямина, сконцентрированными прежде всего в его работе «Автор как производитель» (1934), позволяет скорректировать происхождение и последующую траекторию идей, — связанных с представлениями о поэтической (художественной) технике как средстве производства (аппарате), отвечающем интересам того или иного социального класса и воспроизводящем различные (экономические, политические, расовые, гендерные, культурные) отношения господства / подчине-

⁸ См. характерную в этом отношении работу Ю. Кристевой «Разрушение поэтики» (1970) [Кристева 2004].

ния, — которые оказались реактуализированы в рамках различных исследовательских традиций (от постмарксизма до постколониальной теории, от феминистской критики до нового историзма, от культуральных (cultural) до квир-исследований (queer studies)).

Идеи Беньямина, высказанные в этой статье, потом станут общим местом постмарксистской критики господствующих форм культуры как аппаратов, поддерживающих идеологическую гегемонию господствующего класса. При этом сам Беньямин эксплицитно опирается на работы Брехта и практический пример литературной практики лефовца Третьякова. В сжатом виде тезисы, сформулированные в этой статье, можно представить следующим образом.

Интеллектуалы должны осознать, что используемые ими формы культуры (литературная техника, жанровая система, представления о природе творческой активности) являются не чем иным, как средством производства, принадлежащим буржуазии. Даже тогда, когда интеллектуал пытается выйти за пределы породившего его класса и направить технический аппарат, освоенный благодаря образованию и культурным навыкам, против буржуазии, он все равно продолжает воспроизводить те отношения культурной гегемонии и социального господства, которые сформировали этот технический аппарат. Таким образом, граница, отделяющая интеллектуалов от пролетариата, связана не столько с классовой идентичностью или политической позицией, сколько с тем культурным наследием и приемами культурного производства, которые интеллектуалы безуспешно пытаются поставить на службу пролетариата.

Выход из этой тупиковой ситуации воспроизводства установившихся форм культурной гегемонии, неизбежной даже в случае ее критики, осуществляемой на ее же собственном языке, Беньямин вслед за Брехтом и Третьяковым видит в деконструкции самого буржуазного культурного аппарата, самих средств буржуазного культурного производства. Таким образом, в постановке Беньямина вопрос о новой технике (новых приемах поэтического письма) совпадает с вопросом об обретении по-настоящему критической политической и социальной позиции, позволяющей буржуазным по своему происхождению интеллектуалам действительно встать на сторону пролетариата. Конкретными приемами создания культурного аппарата, отвечающего задачам строительства пролетарской культуры, становятся техника монтажа, осуществляющего разрыв в претендующей на органичность репрезентации, характерной для буржуазного искусства; прерывание действия (как в театре Брехта), которое вызывает к рефлексии, а не к психологическому переживанию, как это происходит в миметическом, катарсическом, буржуазном театре Станиславского; прием коллажирования цитат чужой (буржуазной) речи, обнажающий ее классовую мотивировку; переход от псевдоорганических форм индивидуального творчества к коллективным, аналитическим и технологизированным медиа — таким как газета или кинематограф; наконец, непосредственное вовлечение писателя-интеллектуала в процесс социального строительства (Беньямин указывает на практику лефовских писателей, — и прежде всего Третьякова, — которые отправлялись в колхозы и на фабрики, где не просто описывали трудовые процессы, но участвовали в их организации) [Беньямин 2012].

Именно эти технические характеристики ленинской речи и были предметом описания в том сборнике ЛЕФа, о котором мы говорим. Опоязовский Ленин стано-

вится образцовым «автором-производителем», показывая пример того, как буржуазный по происхождению интеллеktуал, получивший классическое образование и приобщенный благодаря ему к господствующему культурному аппарату и специфическим для него средствам дискурсивного производства, деформирует и преобразует эти средства, приспособляя их к нуждам пролетариата.

Перечислим эти характеристики.

1. Язык Ленина постоянно использует брехтовский прием «приостановки действия», указывая на разрыв между предметом или понятием и словом, не позволяя бессознательно двигаться вслед за привычными названиями вещей.

«Он устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение, не называя вещи и не закрепляя новое название» [Шкловский 1924: 56].

2. Ленин постоянно обращается к приему цитатной речи, ставшей впоследствии основой брехтовской техники «очуждения»: критика политической позиции противников осуществляется им как критика языка, на котором эта позиция артикулирована. Таким образом, Ленин демонстрирует понимание того, что за определенной политической тенденцией стоит определенный дискурсивный аппарат — определенная система культурных средств производства, как сказали бы Брехт или Беньямин.

«Ленин очень определенно реагирует на чужой стиль и, полемизируя со своими противниками или врагами, часто обращает внимание на стилиевые особенности их речи. Каждая партия для него — не только определенное мировоззрение, но и определенная система речевого стиля» [Эйхенбаум 1924б: 58].

3. Ленин «как деканонизатор» борется с риторическим аппаратом, характерным для культурно развитого буржуазного письма. Ленин «иронизирует над искусством <...> прикрывать теоретическую беспринципность „потоками слов“» [Эйхенбаум 1924б: 59].

«Если поставить его стиль на фоне того пышного философского и публицистического стиля, который господствовал в русской интеллигенции начала XX века <...> то разница станет особенно ясной. Ленин избегает всякой абстракции, квалифицируя ее как „болтовню“. Большие слова он тщательно охраняет от затаскивания, от превращения их в название» [Эйхенбаум 1924б: 62].

Как беньяминовский «автор-производитель», Ленин противопоставляет культурный аппарат развитой буржуазной риторики непосредственному праксису социальных проблем и отношений: «Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля» (Ленин; цит. по: [Эйхенбаум 1924б: 60]).

4. Наконец, Ленин стремится приблизить свой языковой аппарат — средство производства, субъектом которого должна быть уже не буржуазия, а пролетариат, — к узусу обыденной речи угнетенных:

«Ленин, в противоположность многим другим политическим писателям и ораторам, ценит не книжную, а простую разговорную речь и вводит в свои статьи и речи самые обиходные, часто даже грубые слова и выражения» [Эйхенбаум 1924б: 59].

Внимание к речевой обыденности превращает Ленина в своеобразного представителя контркультуры, противостоящей традиционному культурному канону:

«Пафос „будничных“ слов и выражений <...> является отличительной чертой его стиля. Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной „поэтичности“, которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у футуристов — в частности у Маяковского» [Эйхенбаум 1924б: 70]⁹.

Подводя итог, необходимо сказать, что опоязовский анализ языка Ленина оказывается переходным звеном, ведущим к тем критическим интуициям (опознание в культуре идеологического аппарата господствующего класса; об этом см.: [Калинин 2012]), которые затем станут важной частью лефовской теории литературы факта, характерного понимания коллективного авторства и культурного производства в целом. Затем через Третьякова эти идеи обогатят критическую рефлексию Брехта и Беньямина, которые, в свою очередь, станут важным теоретическим источником для постмарксистской культурной критики второй половины XX — начала XXI в.

Литература

- Барт 1994 — Барт Р. Миф сегодня. Нарумов Б. П. (пер.). В кн.: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, 1994. С. 72–130.
- Беньямин 2012 — Беньямин В. Автор как производитель. Скуратов В., Чубаров И. (пер.). В кн.: Беньямин В. *Учение о подобии: медиаэстетические произведения*. Серия: Современные гуманитарные исследования. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012. С. 133–163.
- Калинин 2005а — Калинин И. А. Вернуть: вещи, платье, мебель, жену и страх войны: Виктор Шкловский между новым бытом и теорией остранения. В кн.: *Wiener slawistischer Almanach*. Bd. 62: Nähe schaffen, Abstand halten: zur Geschichte der Intimität in der russischen Kultur. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien; München: Sanger, 2005. S. 351–387.
- Калинин 2005б — Калинин И. А. История как искусство членораздельности (исторический опыт и мета/литературная практика русских формалистов). *Новое литературное обозрение*. 2005, 71: 103–131.
- Калинин 2012 — Калинин И. Угнетенные *должны* говорить (массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов). В кн.: Эткинд А., Уфельман Д., Кукулин И. (ред.). *Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 587–664.
- Кристева 2004 — Кристева Ю. Разрушение поэтики. Косиков Г. (пер.). В кн.: Кристева Ю. *Избранные труды: Разрушение поэтики*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5–30.
- Лукач 1935 — Лукач Г. Роман как буржуазная эпопея. В кн.: *Литературная энциклопедия*. В 11 т. Т. 9. М.: Объединение гос. книжных изд-в РСФСР, 1935. С. 795–832.
- Маркс 1955 — Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 1–4.
- От редакции 1924 — От редакции. *ЛЕФ*. 1924, 1: 4.
- Тумаркин 1997 — Тумаркин Н. *Ленин жив!: Культ Ленина в Советской России*. Серия: Современная западная русистика. СПб.: Академический проект, 1997.
- Тынянов 1924а — Тынянов Ю. *Проблема стихотворного языка*. Л.: Academia, 1924, 139 с.
- Тынянов 1924б — Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемиста. *ЛЕФ*. 1924, 1: 81–110.
- Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). В кн.: Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 198–226.
- Ханзен-Лёве 2001 — Ханзен-Лёве О. *Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*. Ромашко С. (пер.). Серия: *Studia philologica*. М.: Языки русской культуры, 2001.

⁹ Этой же характерной черте ленинской речи целиком посвящена и статья Л. П. Якубинского «О снижении высокого стиля у Ленина» [Якубинский 1924].

- Шкловский 1924 — Шкловский В. Ленин как деканонизатор. *ЛЕФ*. 1924, 1: 53–57.
- Шкловский 2018 — Шкловский В. Искусство как прием. В кн.: Шкловский В. *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 250–269.
- Эйхенбаум 1922 — Эйхенбаум Б. *Молодой Толстой*. Берлин; Пб.: Изд-во Гржебина, 1922.
- Эйхенбаум 1924а — Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя. В кн.: Эйхенбаум Б. М. *Сквозь литературу*. Л.: Academia, 1924. С. 171–195.
- Эйхенбаум 1924б — Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в языке Ленина. *ЛЕФ*. 1924, 1: 57–71.
- Якубинский 1924 — Якубинский Л. О снижении высокого стиля у Ленина. *ЛЕФ*. 1924, 1: 71–81.
- Яров 2007 — Яров С. Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы. *Звезда*. 11, 2007: 168–179.
- Jameson 1975 — Jameson F. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1975.
- Sheldon 1975 — Sheldon R. Viktor Shklovsky and the Device of Ostensible Surrender. *Slavic Review*. 1975, 34: 86–108.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2018 г.
Статья рекомендована в печать 5 сентября 2018 г.

Ilya Aleksandrovich Kalinin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia;
National Research University “Higher School of Economics”,
16, Soyuza Pechatnikov str., St. Petersburg, 199034, Russia
i.kalinin@spbu.ru

How Lenin’s language is made: Material of history and technique of ideology

For citation: Kalinin I. A. [How Lenin’s language is made: Material of history and technique of ideology]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 605–617. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.408> (In Russian)

There is a connection between the formal theory and the history in which formalists were submerged, the history which they represented and the history which they reflected in their scholarly and literary works. This connection is not limited by the use of historical, biographical or artistic material for the illustration of theoretical ideas. Formalists described literature as the destruction of the habits of perception and interpretation formed by the everyday life. In this sense the mechanisms of literature and history turned out to be isomorphous with each other. The concept of defamiliarization formulated by V. Shklovsky becomes, then, not only a universal mechanism of art, but also an immanent law of history. While formalists tended to bare the device — the “literariness” of literature, the revolution was seen by them as “baring” the historical device of history itself. A special issue of the journal *LEF* published in 1924 under the title “Lenin’s Language” was dedicated to the study of the political language of the revolutionary leader. Participants of this special issue included representatives of OPOIAZ and the Moscow Linguistic Circle. Description of V. Lenin’s language as one which followed the laws of poetic language that had been “discovered by Formalists” was an official opportunity for them to extend their theory of literary evolution into the sphere of social history as a whole. The very concept of the “device” that bares the “completeness” of a literary work found its application in the critical analysis of ideology. In this manner, ideology is revealed as opposed to history in precisely the same manner as automatized practical language is opposed to poetic language. Lenin’s language is transformed into an agent of poetic, revolutionary disavowal of ideology, the durability of which relies on the ideological automatization of false consciousness and everyday habits of perception.

Keywords: V. I. Lenin, V. B. Shklovsky, device, history, ideology, poetic language.

References

- Барт 1994 — Barthes R. Mif segodnya [1956]. Narumov B. P. (transl.). In: Bartes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress Publ., 1994. P. 72–130. (In Russian, transl. from French)
- Беньямин 2012 — Benjamin W. Avtor kak proizvoditel. Skuratov V., Chubarov I. (transl.). In: Benjamin W. *Uchenie o podobii: mediaesteticheskie proizvedeniya*. Series: Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2012. P. 133–163. (In Russian, transl. from German)
- Калинин 2005a — Kalinin I. A. Vernut: veshhi, plate, mebel, zhenu i strax vojny: Viktor Shklovskij mezhdu novym bytom i teoriej ostraneniya. In: *Wiener slawistischer Almanach*. Bd. 62: Nähe schaffen, Abstand halten: zur Geschichte der Intimität in der russischen Kultur. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien; München: Sanger, 2005. S. 351–387. (In Russian)
- Калинин 2005b — Kalinin I. A. [History as the Art of Articulation (Historical Experience and Meta/literary Practice of Russian Formalists)]. *New Literary Observer*. 2005, 71: 103–131. (In Russian)
- Калинин 2012 — Kalinin I. A. Ugnennyye dolzhny govorit' (massovy priyzyv v literaturu i formirovaniye sovet'skogo sub'teksta, 1920-e — nachalo 1930-x godov). In: Etkind A., Ufelman D., Kukulin I. (eds.). *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kulturnoi istorii Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. P. 587–664. (In Russian)
- Кристева 2004 — Kristeva Yu. Razrusheniye poetiki. Kosikov G. (transl.). В кн.: Kristeva Yu. *Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. P. 5–30. (In Russian, transl. from French)
- Лукач 1935 — Lukács G. Roman kak burzhuaznaya epopeya. In: *Literaturnaya enciklopediya*. In 11 vols. Vol. 9. Moscow: United Humanitarian Publ. of the RSFSR, 1935. P. 795–832. (In Russian)
- Марк 1955 — Marx K. Tezisy o Feierbakhe. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. P. 1–4. (In Russian, transl. from German)
- От редакции 1924 — [From Editorial Board]. *LEF* 1924, 1: 4. (In Russian)
- Тумаркин 1997 — Tumarkin N. *Lenin zhiv!: Kult Lenina v Sovetskoj Rossii*. Series: Sovremennaya zapadnaya rusistika. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 1997. (In Russian)
- Тынянов 1924a — Tynyanov Yu. *Problema stixotvornogo yazyka*. Leningrad: Academia Publ., 1924. (In Russian)
- Тынянов 1924b — Tynyanov Yu. [Dictionary of Lenin-polemist]. *LEF* 1924, 1: 81–110. (In Russian)
- Тынянов 1977 — Tynyanov Yu. N. "Dostoevskij i Gogol (k teorii parodii)". Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 198–226.
- Ханзен-Лёве 2001 — Hansen-Löve A. *Russkij formalizm: Metodologicheskaya rekonstrukciya razvitiya na osnove principa ostraneniya*. Romashko S. (transl.). Series: Studia philological. Moscow: Yazyki russkoj kultury Publ., 2001. (In Russian, transl. from German)
- Шкловский 1924 — Shklovsky V. [Lenin as the Decanonizer]. *LEF* 1924, 1: 53–57. (In Russian)
- Шкловский 2018 — Shklovsky V. *Iskusstvo kak priem*. In: Shklovsky V. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. P. 250–269. (In Russian)
- Эйхенбаум 1922 — Eikhenbaum B. *Molodoy Tolstoy*. Berlin; Petersburg: Publ. by Grzhebin, 1922. (In Russian)
- Эйхенбаум 1924a — Eikhenbaum B. M. Kak sdelana «Shinel'» Gogolya. In: Eikhenbaum B. *Skvoz literaturu*. Leningrad: Academia Publ., 1924. P. 171–195. (In Russian)
- Эйхенбаум 1924b — Eikhenbaum B. [The Main Style Trends in the Language of Lenin]. *LEF* 1924, 1: 57–71. (In Russian)
- Якубинский 1924 — Yakubinsky L. [On the Decline of Lenin's High Style]. *LEF* 1924, 1: 71–81. (In Russian)
- Яров 2007 — Yarov S. [Rhetoric of the Leaders: V. I. Lenin and J. V. Stalin as Speakers]. *Zvezda*. 2007, 11: 169–179. (In Russian)
- Jameson 1975 — Jameson F. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1975.
- Sheldon 1975 — Sheldon R. Viktor Shklovsky and the Device of Ostensible Surrender. *Slavic Review*. 1975, 34: 86–108.

Received: July 30, 2018
Accepted: September 5, 2018